

Сицуно

АРИСАВА

*

(стихи, написанные на исходе года змеи, когда люди научаются менять кожу)

Никогда не умела бояться змей –
просто брала их на руки,
прохладных и струящихся,
как река, ползущая сквозь раскалённый полдень,
безмолвных, как время, которое они видели,
снова и снова меняя кожу.
Змеи, лежащие на обломках древней стены,
греющиеся на солнце,
говорящие с камнями,
не поднимают головы при моём приближении,
но они могли встречать меня раньше,
когда лежащие под солнцем камни
ещё были стеной,
а я носила чешуйчатые доспехи,
похожие на змеиную кожу,
и не боялась змей, и вообще ничего не боялась.

Я всегда любила змей и камни,
они хранили в себе спокойную холодную красоту
и воспоминания,
камни всё ещё звучат шагами древних полководцев,
змеи бережно держат во рту
шипение остывающих звёзд,
упавших в древние моря.
Змеи меняют кожу, когда перестают видеть, –
темнеют плёнки, закрывающие глаза,
как плёнка на старинном киноаппарате.
Земля меняет кожу, и самые прекрасные камни
показываются наружу.
Люди меняют кожу и
продолжают накапливать воспоминания.
В детстве я ещё не знала, что не боюсь змей,
пока не увидела одну и не спросила,
можно ли погладить.
Много позже я снова прикоснулась к змее,
пока стеклянный глаз фотоаппарата запоминал:
девочка-подросток, немногим больше
змеи, лежащей на плечах.
Она была тяжёлой, как будто её струящиеся мысли,
воспоминания о горячем песке,
блики на коже, как на бегущей воде,
наполняли её и делали тяжелее.
И я смотрела ей в глаза,
потому что не научилась бояться змей.
Зато я умею говорить с камнями.

Я СДЕЛАЛА ВЫБОР

Я сделала выбор

между карамелью карибского загара
и величественным спокойствием белого мрамора,
просто потому, что вода быстро слизывает с кожи
любой цвет, кроме белого,
кроме летописи моей жизни, которая остаётся на коже.

Линия жизни не только пересекает ладони,
она через всё тело проходит множество раз в течение жизни.
Сколько ни собирай бусины прожитых дней,
нить памяти не всегда может удержать их все,
но память остаётся в складках кожи, голубых прожилках запястий.

Я сделала свой выбор между
невыносимо изящной пыткой каблуков,
когда человек становится феей, переставая касаться земли,
и величественными белыми колоннами, подпирающими землю.
Пусть чудовищно неизящную лодыжку нельзя обхватить пальцами –
каждому храму свои колонны.

Когда-то я захлёбывалась обжигающими глотками стыда
из-за того, что тело занимает пространство и бросает тень,
а теперь знаю – любое тело священно,
ведь оно создано из пепла сгоревших звёзд,
и сердце бога бьётся одновременно
в семи миллиардах грудных клеток.

Линии жизни замирают в уголках глаз,
ведя отсчёт каждому взмаху ресниц,
запоминая, сколько раз глаза жмурились от радости
или роняли слёзы –
особый случай морской соли, которую солнце слизывает с кожи.

Даже когда они станут видимыми,
непристойно видимыми, –
не нарисую лицо незнакомки поверх своего.

Трещинки на античных статуях не отняли их красоты,
только придавая благородства –
белый мрамор отважно выстоял
против пылающих дождей бесконечных войн
и пыльных бурь всепожирающего времени.

Живая тонкая кожа оказывается не менее прочной,
и каждый шрам свидетельствует о победе,
каждая вздувшаяся жилка – о преодолении чего бы то ни было.

Я сделала свой выбор

и с гордостью ношу доспехи из собственной кожи.